

ЖИЗНЬ НАОБОРОТ

АЛЕКСАНДР НАДЕЖДИН
АЛЛА ЗУЕВА

Аннотация

*Не зная срока своей смерти,
Живем мы, как последний раз,
Но, если б знали, то поверьте,
Мы жили точно, как сейчас...*

На этом можно было бы закончить краткое описание повести «Жизнь наоборот» и оставить главного героя жить своей жизнью авантюриста, что и мы и сделаем, посвятив читателя в некоторые детали приключения, не раскрывая, правда, основной интриги...

Итак, 1997 год. Август. Кризис поразил все стороны жизни государства.

Президент практически потерял все нити управления страной.

В этой ситуации к кормушке присосалась кучка нечистых на руку олигархов.

Среди них есть человек, который, имея большое влияние на «семью президента», всеми доступными способами приумножает свое состояние. Это Аркадий Абрамович Левантовский.

Журналист Алексей Панин собирает на Левантовского компрометирующий материал и со дня на день собирается опубликовать в печати.

Чтобы не допустить утечки информации, Левантовский силами своей службы безопасности организует покушение на журналиста. Панин убит.

Однако копии документов Панин успевает передать руководителю петербургской организации Ч.С.В. (Честь. Справедливость. Возмездие) Стефану Сосновскому...

Александр Надеждин, Алла Зуева

Жизнь наоборот

Предисловие

Время!

Летит оно стремительно, не затормаживая ни на мгновение ни перед кем, ни перед чем. У него свой ход, своя история, которая никак не связана ни с одним из живущих на нашей брэнной земле. И оно, время, неумолимо: его не совратишь, не купишь, не заманишь и не остановишь. И это чисто по-философски. Но мы живем на этой брэнной земле — от рождения и до смерти. Значит, существуем в пространстве и во времени. Поэтому, ничуть не входя в противоречие со всеми мыслителями мира, можно управлять временем, ускоряя его или замедляя. Себе лично я ставлю задачу вернуться и задержаться во времени. И для этого я изобрел простой способ — сесть за стол, нахмурить лоб, испещренный возрастными морщинами, и написать, например, воспоминания о детстве, юности и нынешнем возрасте, слегка приукрасив события и свой образ в них. По ходу творческих мук над собственной биографией придумать что-нибудь для возбуждения интереса при чтении, строго руководствуясь заветом

Бернарда Шоу, говорившего, «... что правда никогда не годится к опубликованию».

Именно так я и хотел поступить и этим предисловием начать книгу о собственной жизни, чтобы донести до потомков, своих и чужих, этакое гениально-мудрое. И уже вывел первую букву в слове «Мемуары», но остановился, вспомнив, что ничего значительного еще и уже не сделал, и придумал приключенческую повесть с необычным названием «Жизнь наоборот».

В этой книге я переплел события, произошедшие на самом деле и вымышленные, разбавил интригу судьбами героев реальными и выдуманнными, потом в эту смесь добавил иронию и юмор, трагедию и любовь. Весь этот коктейль заправил некоторыми историческими моментами, без упоминаний которых этот роман был бы скучноват, — и продукт для легкого чтения оказался готов к употреблению.

Каков на вкус? Пусть судит читатель. Но предупреждаю заранее: на классику я и не претендую, зная, что занудно правильное изложение событий очень литературным языком напряжет нынешнее читательское племя до головной боли, и оно, разочарованно, отложит мое произведение подальше, чтобы никогда о нем не вспоминать. А так не хочется...

Ведь я через описание приключений главного героя попытался оживить свои мечты, те самые

мечты, которые так и остались неосуществимыми, но такими вожделенными. И главной мыслью повести я сделаю слова, сказанные неизвестным философом из неизвестного времени:

*— Не зная срока своей смерти,
Живем мы, как в последний раз
Но, если б знали, то, поверьте,
Мы жили б точно, как сейчас.*

Понятно, что этот мыслитель имел ввиду любое течение жизни, любого человека, в том числе и меня, как героя будущих приключений. А чем я, то есть он (пусть он будет я), отличаюсь от всех? Даже если я считаю себя уникальными созданиями Создателя... но пока...

Пока я, герой собственный жизни, нахожусь в устойчивом состоянии зрелости со всеми желаниями и возможностями, свойственному этому этапу. И к этому моменту у меня сложилось почти все так, как и не мечталось, не хотелось и могло: я успел поучиться, поработать, разбогатеть и снова стать нормальным российским гражданином с уровнем жизни немного выше черты бедности. Это — по мнению главного статистического органа нашего государства. И ниже этой отметки — по факту.

Итак, приступаю.

Глава первая

Хождение в капитализм

Похоже, у известного неизвестного мыслителя на все случаи жизни есть свои ответы и рекомендации. Например, такое утверждение:

*— Какой судьбы себе желаешь,
Такую — должен получить,
Об авантюрах ты мечтаешь —
Придется в них тебе и жить.*

Здесь можно согласиться и обосновать это последующими событиями, о которых вы, отложив все несущественные дела, узнаете и с увлечением, не отрываясь от печатных строчек, прочитаете захлеб.

Зовут меня Александр Надеждин, и я авантюрист в хорошем смысле этого слова. Хотя и не всегда. Положительным искателем приключений я был в период построения коммунизма в нашей отдельно взятой стране.

В отрицательного героя я превратился, когда недостроенный коммунизм, нарушив все законы и Постановления Пленумов Коммунистической партии, вдруг стал дичать и вскорости перестроился в капитализм с нечеловеческим лицом и,

соответственно, со всеми вытекающими непредсказуемыми последствиями.

Но обо всем по порядку.

Образование мне дало, а я его взял бесплатно у нашего государства, тогда еще — СССР: среднее — в виде суворовского училища, и незаконченное высшее — в двух институтах и одном военном учебном заведении. В силу моей, скорее всего — генетической, склонности к приключениям меня не задерживали больше, чем на три курса. Но кое-чему все-таки научили: в летном училище — начальным навыкам вождения самолета и прыжкам с большой высоты, с парашютом, естественно. Чему научили в институтах — расскажу чуть позже.

Но, к сожалению или к счастью, через неполные три года вхождения в профессию романтиков и экстремалов меня из летного училища отчислили в рекордно короткие строки, буквально на следующий день, когда я угнал самолет. Нет, не самолет с пассажирами, летевшими в Сочи на летнее оздоровление, а наш учебный Л-29, на котором мы отрабатывали свои будущие летные качества. Я был молод, горяч, красив, можно было сказать, как Ален Делон, слегка разбавленный образом Бельмондо. Но, так как я человек скромный, чужих заслуг себе не приписываю, скажу о себе честно — девушки от моей красоты в обморок не падали, следы мои на

асфальте не целовали, однако на свидание не опаздывали и на отсутствие в моих руках традиционных предметов флористики и коробок конфет не обижались. Зато с радостью соглашались посвятить мне бесценные свои часы и даже годы.

В начале третьего курса я познакомился с очаровательной шатенкой Людочкой. Она была умна, что ее совсем не портило, и очень подвижна. Ее фигурка сводила меня с ума: тонкая талия, ножки как у балерины, руки — нежные, восхитительные. Грудь ... о, боги! Ее можно бы было назвать идеальной красавицей, если бы не одно «но» — ее характер. Ее характер был как ветер: то теплый, то холодный, то пронизывающий до костей или обволакивающий до ватного состояния. И я никак не мог понять: нравлюсь ли я ей или нет? На свидания она приходила через раз, опаздывала безбожно и никогда не считала себя виноватой. Сколько раз я пытался забыть ее, предать ее имя забвению, но инстинкт охотника не давал мне покоя. Я должен был ее завоевать, чтобы ... Короче, у каждого мужика есть куча аргументов в причинах амурной охоты. И у каждого — куча своя. Я же своей делиться не буду в силу свое авантюрной скромности.

В один из весенних вечеров, прогуливаясь с Людочкой возле нашего летного поля, я взхлеб рассказывал ей о самолетах, о летчиках, короче,

трепался как мог, чтобы хоть как-то заинтересовать ее своею неординарною особою. Но мой треп колыхал лишь кусты, плотно посаженные возле забора аэродрома. Дама моего сердца ни в какую не хотела проявлять любовного томления к моей мужественной персоне. В самый пик моего токования она вдруг прервала меня и, поглядывая на Л-29, одиноко стоявший на аэродроме, как бы невзначай спросила:

— А слабо тебе покатать меня на этом самолетике?

— Мне? Слабо? Да я...! Да мне...!

Когда я приземлился под яростную ругань дежурного, мат которого чуть не разорвал мембрану наушников шлемофона, на летном поле уже активно перебирало ногами все начальство училища, а начальник политотдела, стоящий рядом с особистом, злобно мечтали каждый о своем. Первый — об исключении меня из рядов покорителей небес, а второй — о застенках каземата. Хотя, я, конечно, заслужил и то и другое, но в то время я думал, что поступок совершил почти героический. Дама моего сердца легко упорхнула от наказания, я же был отчислен с треском из училища, но без записи в анкете. В данном случае роль сыграла надвигающееся инспектирование военных образовательных объектов, а угон самолета — это позор для всего

училища с вытекающими выводами. И в силу острого нежелания начальства лишиться денежного довольствия и увидеть звездопад с личных погонов от меня избавились хоть и шумно, но мирно и очень быстро с формулировкой: за систематическое нарушение воинской дисциплины.

Таким образом, мечта о небе накрылась медным тазом. Любимая девушка забыла, как меня зовут и как я выгляжу, так как при встречах не узнавала и делала круглые глаза, когда я пытался с ней заговорить.

Я уже подумывал сломаться, запить, чтобы потом легко было по пьяни бить себя в грудь и кричать, размазывая пьяные сопли по спитому лицу, о коварстве женщин и оскалах судьбы, но, трезво поразмыслив, решил не маяться дурью, а попытаться превратить судьбу-индейку в жар-птицу, чтобы та не только распахивала веером передо мною свой хвост, но и радовалась за меня всю свою жаркую пасть.

По всем правилам я должен был сразу после отчисления из военного училища пересесть с парты, где набираются знаний, на верхнюю полку пассажирского поезда и вместе с сопровождающим прапорщиком добраться до очень отдаленной воинской части и дослужить родине не менее двух лет. Но случилось незапланированное чудо, которое, конечно, некоторым образом управлялось

моей авантюристической натурой и хорошими отношениями с делопроизводителем строевой части и любвеобильным прапорщиком Галочкой. Пропуская ночные способы получения личного дела на руки, я в поисках применения своих сил и знаний наткнулся на институт иностранных языков.

— В языках сила! — обрадовался я собственному открытию и оккупировал, тогда я думал основательно, факультет западноевропейских языков.

За два года обгрызания гранита наук я инициативно воткнул себе в голову хороший английский и удовлетворительный немецкий. Вообще-то, система высшего образования в этом институте меня немного смущала, так как я искренно полагал, что большую часть предметов можно безболезненно выбросить из расписания. Но со мной категорически не соглашались чиновники от образования и преподаватели института, поэтому, помимо двух иностранных языков, я как будущий переводчик изучал основы марксистско-ленинского учения, политическую экономию капитализма и социализма и прочий бред.

Суммарно, по количеству часов ленинизма и марксизма, я должен был бы иметь высшее образование уже через два года учебы в данном институте. Но не поимел его, так как эту науку я в

голову не брал, кроме политической экономии загнивающего капитализма в части: деньги — товар — деньги или, наоборот, товар — деньги — деньги и еще раз деньги.

Чтобы хоть как-то разбавить студенческую жизнь и наполнить ее существенным смыслом в виде дополнительного денежного содержания, я решил экономическую формулу основоположника катаклизма на всем европейском пространстве применить на практике. С другом Николаем, или просто Палычем, вместо того чтобы под брэнчание гитар, урчание пустых желудков и сомнительного секса с местными жительницами, или — со своими же однокурсницами, помогать в стройотрядах социализму развиваться, мы автостопом добирались до края Белоруссии и при содействии моего друга по суворовскому училищу Яна Вильчковского — поляка по национальности, имеющего льготный проход к родственникам, вместе с ним, пробирались в соседнюю польскую деревню. Немного поясню этот, как кажется с первого взгляда, бред. В то время перейти границу было невозможно, но родственники в приграничной полосе общались между собой достаточно просто. Поэтому, умело минуя, как истинные шпионы, все пограничные посты, мы затаривались поддельными джинсами, везли их домой и продавали как истинные «levis» и «wrangler». Подпольный наш

бизнес шел неплохо, но в конце третьего курса над нами нависли черные тучи в лице вездесущего КГБ, поэтому мы быстро стали белыми и пушистыми. И после сессии, которую сдал с боем, под недружелюбные взгляды обитателей деканата я написал заявление на отчисление по семейным обстоятельствам. А мой друг просто перевелся в другой ВУЗ, от греха подальше.

Итак, передо мною опять открылся простор для применения моих способностей. И я, вместо того чтобы заняться чем-либо конкретным, решил вновь попробовать себя в качестве студента института советской торговли, куда я вполз, слегка подправив свои не совсем хорошие характеристики. Авантюрист все-таки.

Для тех, кто не очень представляет основы существования советского строя, я поясню. Все стороны нашей тогдашней жизни контролировались комитетом госбезопасности. Не так, как в сталинско-бериевские времена, когда второй следил за первым, а третий — за вторым, но контролировались.

Не успел я как следует изучить основы бухучета, вступление в социалистическое ценообразование и в принципы движения товаров, как начальник кадров (читай особист) вычислил мое темное прошлое и поделился этой информацией с комитетами, в том числе и

комсомола. Принципиальные товарищи думали недолго и, ничтоже сумняшеся, выдали вердикт, что таким не место во всех рядах. Кроме того, эти ребята злобно и единогласно решили, что я еще не все долги отдал родине, и заинтересовали этим обстоятельством военкомат, который тут же определил меня служить. Отыскиали же именно тот приказ Министра обороны, по которому я как плохой в прошлом курсант не дослужил срочную службу до полного исправления. Теперь я должен был отдать свой патриотический долг родине, но по сроку не больше чем положено по закону. В армии — два года, а на флоте — три. У них был выбор сделать мне хуже ровно на один год, и они со свойственным им садизмом это сделали: я оказался на флоте. Там на мои приключенческие склонности обратили внимание, поэтому все три года я усиленно изучал необходимые для морского волка дисциплины. Немного штурманское и яхтенное дело — за это спасибо моему командиру, капитан-лейтенанту Сосно Эдварду, списанному с подводных лодок за иностранное, то есть польское происхождение и наличие родственников в стане вероятного противника. Любил я легководолазную подготовку не только потому, что давали дополнительный паек, а просто любил. Это отношение к водолазному делу было замечено начальством и с подачи Сосно меня определили в

группу, которая погружалась на очень большие глубины. И, конечно, с пользой для родины.

Между Камчаткой и Владивостоком в те времена был проложен подводный кабель, по которому наши флотоводцы общались между собой. На двух концах этой нитки связи стояли такие специальные устройства, которые превращали обычную речь в набор бессвязных звуков. Предположим, какой-нибудь адмирал сказал в телефон «... твою мать», или — подводная лодка выходит в море в 00 часов 00 минут и на другом конце слышат то же самое. Но по дороге внутри кабеля идет какая-то белиберда, не доступная для понимания англоговорящего вероятного противника. Так считали все наши начальники, пока разведка флота не обратила внимания на повышенную активность американцев точно в те моменты, когда корабли «скрытно» выходили в море.

Акванавтов еще не было, но мы — водолазы-глубоководники были. Нам и поставили задачу: обследовать кабель на всем его протяжении.

Не буду хвастать, но именно я первым обнаружил американскую «электронную присоску», которая успешно снимала информацию, записывала ее на свой магнитофон, а дальше эту «присоску» меняли на другую, а умные и вражеские шифровальщики докладывали своему руководству

полное содержание переговоров. Трудновато, правда, им было переводить, поскольку в содержательной части было процентов так 50 нашего отборного морского матерка. Но потом, говорят, приспособились и даже стали его употреблять без перевода. Представляю себе, как какой-нибудь штабной лейтенант морских сил штатов докладывал своему начальнику:

— Сэр, ... twoy mat... — и дальше поставлю многоточие или много раз пи-пи-пи, потому как неудобно такое писать и, конечно же, читать. Да и редактор не пропустит.

За этот «подвиг», как у нас было принято, ордена получили штабные и политрабочие, а я был удостоен устной благодарности, увешан тремя лычками на погонах и награжден обещанием бессрочного отпуска на гражданку ровно через три года.

Мне уже было двадцать шесть лет, когда Родина решила, что я отдал ей свой долг сполна, и отправила меня в свободное плавание, добавив в мою копилку профессий (лингвиста, летчика, парашютиста, начинающего политэконома) профессию водолаза и командира маломерных судов, иначе, катеров и яхт.

А в 1987 году, когда мне исполнилось двадцать семь лет, я уже считал себя серьезным авантюристом, которому по плечу все трудности,

встречаемые на жизненном пути. Но так как мой авантюрный склад ума требовал пищи, то я стал искать работу, свойственную моему неумемному характеру. И я ее нашел.

На Дальнем Востоке я устроился в ЭПРОН, то есть в Экспедицию Подводных Работ Особого Назначения. Так называлась эта организация раньше, а в то время — просто водолазная служба вспомогательного флота. Иногда я отлучался в местный аэроклуб, чтобы попрыгать и полетать. Поддерживал таким образом свои авантюристические наклонности в нужной форме, на всякий случай, или просто потому, что нравилось.

Ровно четыре года я ходил по дну на больших глубинах, летал и спускался на землю с парашютом. А внутри сидел червячок сомнений: правильно ли я живу? И в конце 1991 года этот негодяй червяк доточил меня до мысли: а не стать ли мне капиталистом?

И я поехал...

* * *

Путь мой лег, если посмотреть на карту, через необъятную родину с востока на северо-запад, в Ленинград. Для тех, кто не помнит, так раньше назывался город Санкт-Петербург. Это был не

случайный, а совершенно осознанный выбор: здесь я родился и здесь жила моя мама.

Долго отдыхать на маминых разносолах я не собирался, поэтому сразу же стал изучать основы внешней и экономической деятельности в ее довольно заковыристой части: чего не хватает отчизне и чего привезти ей оттуда? Завел хорошие знакомства в таможене и, в итоге своих изысканий, переехал в Голландию, где хорошо взбивали масло, выращивали сыры и выгоняли спирт. Этих продуктов, справедливо рассудил я, очень не хватало на всей территории нашей великой и полуголодной страны.

Прибыв в столицу Нидерландов, в город Амстердам, я стал искать, где это все можно купить, на чем довезти и кому продать. Поиски меня довели до нескольких заводов, маслобоен и сыроварен.

Мой компаньон, тот самый институтский друг Палыч, который в студенческие годы помогал мне применять на практике капиталистическую теорию Маркса, остался в России. Он давно понял, что прибыльнее безопаснее товар создавать на месте, чем возить его из-за границы, поэтому создал несколько цехов, сначала подпольных, потом легальных по пошиву одежды. Изучив спрос, он остановился на джинсах и заработал на их честном пошиве в период индивидуального и

кооперативного движения несколько десятков тысяч долларов, которые впоследствии мы и использовали для покупки первых двадцати тысяч бутылок спирта «Ройаль» и двух рефрижераторов со знаменитым маслом «Рама».

Три машины товара дали денег на уже шесть машин товара, шесть — на двенадцать, двенадцать — на двадцать четыре и так далее. Через полгода мой компаньон принимал по сто машин спирта и по двести машин масла с сыром в месяц. Деньги стали течь не тонким ручейком, а полноводной рекой. Налоги, понятно, я забывал платить, причем нескольким европейским государствам: Германии, Дании, Бельгии, Франции и, конечно, России.

К исходу 1994 года я стал капиталистом с несколько миллионным состоянием и тремя ресторанами в Амстердаме, то есть катался как голландский сыр в масле на «Мерседесе» последней марки. И, чтобы не было скучно, я периодически летал на своей «Сессне», выезжал на Филиппины для подводного плавания и выходил в море на собственной яхте. Ведь я все-таки авантюрист. Да, еще женился и родил дочь. Жена моя, Надя, помогала мне во всем: она вела ресторанный бизнес и очень успешно.

На этом можно было бы закончить рассказ об этом периоде жизни и поставить жирное многоточие, но ... не все коту масленица.

Не все коту масленица

Комиссар полиции господин Гуго Ван Лейден в один из летних и жарковатых для этих широт дней, нехотя выслушивал от представителя очень солидной конторы следующий доклад:

— Господин комиссар, в поле нашего зрения попал один предприниматель из России, который нанес ущерб нашей экономике на сумму около десяти миллионов гульденов. Наши налоговые службы обратили внимание на караваны машин, следующие еженедельно из Голландии. Когда они посмотрели статистику выпуска продукции нескольких наших спиртзаводов, маслобоен и сыроварен, то обратили внимание на занижение их количества при переходе через наши границы. Мы связались с нашими коллегами из России и получили от них данные, которые не бьются с нашими в десятки раз. Есть предложение — связаться с прокуратурой и взять господина Александра Надеждина в разработку. Кстати, похожая картина наблюдается и в других, соседних с нами, странах. Пришли данные из Германии и Великобритании. Проявила интерес к этому делу Бельгия и Франция.

— Хорошо, — уже оживленно ответил комиссар, — Санкцию прокуратуры я получу.

Представьте мне для доклада все имеющиеся у вас материалы на этого русского, — дело для комиссара показалось перспективным, и выход на пенсию мог произойти, в случае удачи, с более высокой и, понятно, выше оплачиваемой должности.

И с этого момента моя жизнь стала значительно интереснее. Но поначалу я этого не ощущал. Не знал я, что все мои переговоры по телефону слушаются и пишутся, что за мной и за моей женой неотрывно следует полиция и что постоянно сравнивается количество машин, следующих в сторону границы, с заявленным их числом. Но, повторю, жить стало интересней.

Ровно полгода это продолжалось. Демократы!

Родные наши менты уже на второй день повесили бы меня на дыбу, и ровно через месяц я бы сидел по приговору или через день купил бы себе свободу.

Взяли меня очень красиво. На дороге. Остановила меня дорожная полиция, якобы за нарушение правил. И препроводила в тюрьму. Хотя по нашим меркам — это лучше назвать санаторием-профилакторием.

Началась ни на что не похожая жизнь в заточении. С завтраком, полдником, обедом и ужином. С телевизором и спортом. Не было только жемчужных ванн и массажа. На долгое время я стал

жителем двухместной камеры, а вернее — номера, с душем и туалетом, такого полулюкса трехзвездного отеля. В общем, жизнь моя подверглась не очень сильным испытаниям. Кроме свободы, отсутствие которой не очень ощущалось в комфортной камере, меня лишили телефонной связи с родными, но встречи с ними не запрещались, поэтому я не очень сильно переживал, где-то в глубоких тайниках своей авантюрной души надеясь, что кривая вывезет.

Мои счета в банке, конечно, были арестованы. Но наши рестораны работали как обычно.

Допрашивали меня долго и нудно. Давили тяжестью улик. Помнится, предъявили стенограмму телефонного разговора с моим компаньоном, где мы беседовали об охоте и ружьях. Примерно так:

— Вы признаете, что занимались подготовкой продажи оружия?

На что я им отвечал:

— Ребята, здесь же очевидно, что речь идет об увлечении охотой и полагающихся для этих целей охотничьих ружьях. Сделайте нормальный перевод.

Но мои доводы их не понимали. Следовательно продолжал твердить свое, настаивая на моей преступной деятельности, направленной на подрыв экономических устоев его родной страны. Поняв, что мне не удастся обелить себя в их глазах и убедить недоверчивых следователей, что я бел и

пушист буквально со всех сторон, я перестал с ними говорить на темы, связанные с обвинением. О погоде и женщинах, пожалуйста, можно и побеседовать, а об оружии, скрывании доходов — увольте. Но они не хотели почему-то... но на то их воля.

Так, преимущественно при молчании с моей стороны, мы докатились до суда, гуманного и скорого. Пять лет лишения свободы — таков был приговор. Но самым неприятным при этом было то, что и другие заинтересованные страны, экономику которых я сильно обидел, ждали с нетерпением конца моего заключения, чтобы воткнуть аналогичный срок. И если посчитать внимательно, то пять государств, желающих видеть меня в своих тюремных камерах на этот же срок, определяли жизненную перспективу на двадцать пять лет. Почти до шестидесяти. Поэтому я, как нормальный заключенный, через не один десяток отсиженных по закону дней стал подумывать, кроме как о женщинах, еще и о побеге.

Как это сделать и как выбраться из этой страны в родную Россию — вот такими были ежедневные мысли.

Решение оказалось простым. Это же не сибирский лагерь строгого режима с колючей проволокой по верху высоких бетонных стен и злыми собаками по периметру. В моем же

«оздоровительном» лагере спираль из изделия металлопрома была, но на высоте каких-то двух метров. И эти два метра вызвали в моей памяти ассоциацию, связанную с детством и юностью: уроки физкультуры — прыжки в высоту — участие в соревнованиях. Последний мой рекорд в прыжке с шестом — это четыре с лишним метра. А тут высоты-то всего лишь два! Задача для двоечника!

Можете себе представить нашего зэка, играющего в тюрьме в бильярд? Я лично — не могу. Вернее могу, но только, когда голову нашего страдальца используют в качестве шара, чтобы заложить его точным ударом в парашу. Но здесь в голландской тюрьме все по-настоящему: стол, шар и кий.

Стоп! Кий? Это же приспособление, с помощью которого можно... Короче, если сделать его очень прочным и сборно-разборным, то это будет подобие шеста для прыжков в высоту.

Попросив жену принести мне два специальных кия (а она меня понимала с полуслова), я назначил свой выход из тюрьмы на вечер субботы второй половины августа, через два месяца от начала посадки. И, чтобы мой выход не сорвался в виду моей слабой физической подготовки, зачастил в тренажерный зал. Через месяц упорных тренировок я понял, что тело мое готово к одной небольшой физической нагрузке: к

прыжку в высоту.

Кроме того, три предшествующие побегу недели я участвовал в турнире по пулу, заняв при этом второе место среди воров, мошенников и уклонистов от уплаты налогов. Одновременно я продолжал усиленно тренироваться, обращая особое внимание на силу ног и прыгучесть.

Способ прыжка в высоту на два с небольшим метра с помощью бильярдного приспособления пришлось отрабатывать в уме. Это был не традиционный Бубковский прием, а особенный. В моем случае кий использовался как дополнительное средство упора для достижения желаемого результата. Разбег длиной в три метра, толчок ногой с одновременным упором на шест — и высота должна была покориться. С единственной попытки. Метр девяносто я брал в молодости очень даже легко. Здесь мне нужно было дополнительное усилие на тридцать — сорок сантиметров. Поэтому и был выбран сборный спецкий.

Почувствовав себя способным к установлению нового рекорда в прыжке с кием через тюремный забор, я подтвердил жене полную готовность. И, когда мой сокамерник ушел в увольнение, я, поскольку выходные мне не полагались, прогуливаясь по двору, выбрал нужный момент, когда все: и сидельцы и те, кто их охранял, — были заняты командной игрой в

футбол, быстро собрал вспомогательное приспособление и отложил попытку, вспомнив, что у меня есть приятель из Австрии со странной фамилией Бок и с именем похожим на мое. То есть Александр. Это я инвестировал в его изобретение сто тысяч долларов. А изобретение было таким: рессора, сделанная из стекловолокна, алюминиевая рама и еще разные шалабушки. Нынешние читатели легко узнают в этом устройстве «Jollijumper» или «Джампер» по-русски. Я еще назвал эту штуковину копытом.

В те далекие года Шура Бок бился над неразрушаемым пластиком, и у него ничего не получалось. При нашей встрече я как любознательный человек пробовал попрыгать и побегать с этим опытным образцом. Сломался я, правда, но после третьего прыжка. В тюрьме мне был нужен только один скачок.

При следующей встрече я попросил жену организовать мне опытный и уменьшенный образец. Через неделю он, образец, был у меня. Я совершенно открыто носился по тюремному полю со скоростью бизона в период весеннего гона, не вызывая у охраны ни малейшего подозрения на подготовку к побегу. Так что кий и джампер позволили мне с первой попытки легко выйти на прилегающую к тюрьме улицу. Вернее, перепрыгнуть...

Сегодня англичане гордятся тем, что они основатели «Бокинга», но они заблуждаются. Я и только я основал этот вид спорта и нарек его по-русски — «Копытингом». Надо будет предложить олимпийскому комитету новый вид двоеборья: игра в пул и, прыжок в высоту через тюремные заборы с кием и «Джампером» и назвать его «Бикопытингом».

Итак, я перепрыгнул, встал устойчиво на ноги, сняв предварительно копыта, осмотрелся — все спокойно. Автомобиль стоял сразу за углом, ровно урча стапятьюдесятьюсильным мотором. Еще час — и я был на аэродроме. Самолет со всеми полетными заданиями уже был готов к взлету. Оставалось забраться в его кабину и спросить разрешения на рулежку и взлет. Да, чуть не забыл, по паспорту я был поляком, по имени Вацлав Лыщинский, и маршрут пролегал прямо в Польшу. Насладившись полетом, я сел под Варшавой...

Путь на родину был недолгим.

Теперь я, Александр Надеждин, авантюрист, в хорошем смысле этого слова, со множеством профессий в кармане, с позитивным взглядом на туманное будущее в стране побеждающего капитализма. А прыжками в высоту я больше не увлекаюсь.

Иногда мне позванивают из Голландии, приглашая досидеть положенный срок, но я никак

не соглашаюсь, помня о других странах, где меня с нетерпением ждут, как я уже говорил, примерно на 25 лет и 60 на выходе — это возраст выше средней продолжительности жизни в России. То есть, нет никакого смысла.

Да, чуть не забыл. Вас наверняка удивит, что мне звонят и разговаривают со мной на тему досидки, а не поручают нашим интерполовским ментам взять меня и препроводить? Меня это тоже тревожило. Но потом я разобрался: преступление, которое я совершил в тех развитых западноевропейских странах, по их градации не подходит на всемирный розыск. И еще — в Голландии есть довольно-таки странный закон: за побег сроков не добавлять. Приходи, здоровайся и досиживай. Можешь еще раз сбежать в свое удовольствие и снова вернуться в родную тюрьму. Гуманисты.

Что касается моих миллионов и ресторанов, то они остались навсегда в Нидерландах. Ничего, еще заработаю.

Так я думал тогда — до того злополучного дня...

Глава 2. Круиз поневоле

Наш знакомый мыслитель еще раз напомнил, что даже если тебя ждет опасность, то ты все рано,

как мотылек будешь лететь на свет, невзирая на высокую температуру лампы:

*— Когда б мы знали, что опасно,
Идти по новому пути,
То мысль, что это не напрасно
Нас бы заставила пойти.*

Так и получилось.

21:16 21 августа 1997 года, четверг

До этого злополучного дня я был, как я уже говорил, обыкновенным гражданином страны, которая дала мне место жительства, но денег в желаемом количестве упорно давать отказывалась. Я, избалованный своими голландскими миллионами, ныне надежно законсервированными в амстердамском банке, с трудом распорядился тем мизером, которым меня снабжала родная страна, поэтому всячески изворачивался, чтобы хоть как-то подсластить себе и своим родным жизнь. Кем я только не работал! Моя трудовая книжка читалась кадровиками как занимательный роман с офигительным сюжетом. Мой друг Палычстарался мне помочь, но его усилия сводились лишь к нахождению очередного проекта, который через некоторое время лопался как мыльный пузырь

после посещения моей конторы ребят с тупыми выражениями лица и блестящими черепами. Я злился, ругался — но про себя. Знал по опыту и из достоверных источников, что первичное накопление капитала в стране, где власть делает вид, что она власть, может стать твоим надгробием с нравоучительной эпитафией «Ты мечтал о больших деньгах — домечтался!» Короче, деньги были вокруг, их хватало все, кто мог себе это позволить, но не у всех эти деньги вместе с жизнью оставались при себе, поэтому я вел себя осторожно и предусмотрительно: на рожон не лез, свои зубы никому не показывал. Я ждал своего часа и своей удачи. И уже наметил себе денежную жилу, которую мог бы без головной боли разрабатывать, но что-то меня сдерживало. Толстое лицо премьера Гайдара, его хитрая улыбка, рыжие кудри Чубайса меня очень смущали, поэтому я потиху выкупал приватизационные чеки у жаждущих опохмелиться и отдавал своему другу для вложения их в кусочек государственного имущества, от которого само государство решило отказаться. К 1997 году в моей копилке уже лежало несколько заводиков и нефтяных вышек, но я об этом помалкивал, а мой друг и компаньон, заинтересовавшись компьютерами всерьез, умело манипулировал моими активами, пряча истинного владельца от любопытных глаз рэкетиров, рейдеров и прочих

разбойников с большой дороги.

Итак, условные деньги у меня были, но взять их я пока не мог. Мой возраст еще позволял надеяться, что я еще доживу до того момента, когда дикий капитализм станет ручным, потому что, как говорил мой товарищ, он, возраст, у меня был переходный. Это когда молоденькие перестают тобой интересоваться, а женщины постарше становятся уже не интересны. Или поглубже, но конкретнее: молодые уже не дают, а женщин в возрасте — сам не хочешь.

На дворе доцветал дикий капитализм второй половины девяностых годов. К этому моменту я был как подпольный миллионер Корейко со своим чемоданом денег под кроватью, но в отличии от Александра Ивановича, я с таким счастьем находился уже на свободе, но, правда, с возможностью эту свободу потерять. А, может быть и — жизнь в худшем случае или — здоровье. Что, в целом, одно и то же. Но я был авантюристом, пока в хорошем смысле слова. Говорят, что каков человек, такие у него и перспективы на жизнь.

Искатели приключений мечтают о приключениях. И мечты чаще всего сбываются.

Так и случилось со мной в тот...

И мне это было надо?

21:00, за пятнадцать минут до... того же дня

В тот злополучный четверг еще не поздним вечером гулял я по своей улице. Гулял и думал о чем-то о своем. Был теплый конец августа, то есть последние дни этого месяца. Женщины в зарождающихся вечерних сумерках казались прекрасными и заманчивыми, воздух немного чище, листья деревьев — не такими пыльными. Где-то над головой на этаже так пятом типового дома с серыми стенами и выкидышами-балконами надрывался Киркоров, убеждая кого-то в своей любви, а рядом на изувеченных ежегодной санитарной стрижкой тополях сидели галки и старательно подкаркивали Бедросычу, заглушая своим ором шум улицы. И это было очень странно. Обычно эти пернатые ведут себя в это время суток достаточно прилично. Ну, каркнут пару раз понравившейся дамочке из своих, конечно, или громко поспорят между собой за право обладания лучшего места на ветке, а тут орут как оглашенные, разнося свой гвалт по округе, превышая санитарные нормы шума децибелов так на пятьдесят. И непонятно почему? Неужели Филипп им так не по душе? Или что-то другое как предчувствие беды?

Чтобы сберечь свои ушные перепонки от городского гвалта, я решил побыстрее уйти из-под тополей в небольшой переулок, где в метрах пятидесяти находился уютный скверик, чтобы там,

сидя на одинокой скамеечке, отдаться всецело своим мыслям, как вдруг сквозь пародийный крик галок до меня дошел резкий, неприятный, режущий по нервам рев моторов и визг тормозов.

Я, еще не видя картины, рефлекторно отскочил от края тротуара и вжался в стену дома, машинально соображая, как получше избежать перекрестного огня местной братвы. Увы, такие разборки в нашем «Бандитском Петербурге» были уже чуть ли не традиционными, так как в это шумное и темное время первичного накопления капитала шальные деньги по большим карманам иначе не распределялись.

Передо мною под истошные вопли прохожих, вернее, убежавших променадцев стало разворачиваться кино со стрельбой и погоней. Другого сравнения у меня в тот момент не нашлось.

Кинув быстрый взгляд налево-направо, я понял, что на изменения места дислокации у меня ни времени, ни шансов нет: пули летели со всех сторон; поэтому я не нашел ничего лучше, как быстро прикинуться Атлантом, поддерживающим, сидя на корточках, балкон с развешанными на нем подштанниками.

На сидячего Атланта никто внимания не обратил, поэтому я отдался всецело созерцанию обмена любезностями местной братвы. Черные машины визжали шинами чуть ли ни напротив моей

мужественной персоны, пули цокали вскользь серой стены у меня над головой, люди орали, Киркоров надрывался еще больше, только в этом содоме не было слышно галок. Они, как только началась заваруха, удрали с тополей и устремились на более безопасные городские дворы. Я не мог последовать их примеру по той простой причине, что находился между двумя огнями, и двигаться мне запрещало мое собственное чувство самосохранения.

Вдруг напротив меня затормозил на долю секунды черный «мерс» — и из него в мою сторону вылетел какой-то сверток. Одновременно щелкнул затвор, как я потом понял, фотоаппарата: меня, изображающего местного Атланта на фоне хрущевской стены, сняли, в смысле, на пленку. Краем еще не оглохшего уха я едва уловил хриплые слова:

— Сохрани и найди меня! Откроешь — поймешь!

Я еще более скрючился у стены, ничегошеньки не понимая. Ко мне, к Атланту, временно заболевшему (надо же как-то объяснить его необычное положение!), вдруг обратились как к живому!

Я еще некоторое время тупо глядел вслед удалившимся машинам, нафаршированными злобными хулиганами, абсолютно не реагируя на

вызывающе нагло лежавший сверток у моих ног.

— Я не Ра-фа-эль! — вдруг закричал у меня над головой неуемный певец, и до меня дошло — я тоже не Атлант.

Приняв подобающую мужественному человеку позу, я поразмял затекшие конечности и только потом ногой осторожно коснулся пакета.

— Что там? — разбудила мой мозг мысль, и я резво нагнулся, чтобы подобрать сверток, но мой взгляд, скользнув по выщербленному асфальту, вдруг зацепился за множество гильз, бог знает как залетевших на тротуар — и тут я понял, что моя жизнь, как и десяток секунд назад, висит на волоске.

— Ноги в руки и бежать! — дал я себе установку — и в обнимку с пакетом был таков.

Петляя, как заяц от погони, я добрался до квартиры и закрылся на все замки. Потом в целях маскировки зашторил плотно окна, сел за шкаф, там меня враг не найдет, и стал рассматривать увесистый сверток, тщательно изучая его со всех сторон. На плотной серой бумаге никаких записей не имелось. Я даже понюхал ее. Пожал плечами.

Вспомнилось, как мать говорила:

— Сашенька, никогда не бери чужих вещей. Они тебе пользы не принесут, а только беды! Что бы это ни было. Запомни это.

Мама, конечно, была права, и я никогда не

зарился на чужое. А тут мне это кто-то добровольно оставил да еще попросил сохранить. Sancta simplicities! Разве можно так доверять случайным людям? А вдруг мне это надо? А вдруг я дурак дураком и все это съем, или выброшу на помойку, или пошлю случайного просителя по известному в народе адресу и ничего хранить не буду, тем более искать кого-то там еще? Мне надо чужие проблемы? Нет, однозначно. А почему? Да у меня своих — выше Останкинской башни! ...

Я еще некоторое время помучался совестью и страхами, потом все-таки решился вскрыть пакет, благо в этом моем занятии мне никто не мешал: мои родные были на даче.

В пакете оказались какие-то документы, дополненные большим количеством денег. Первую мысль позвонить в милицию тут же отбросил: хриплый голос незнакомца фантомом раздался у меня в голове: «Сохрани и найди меня!»

Признак богатства, выраженный толстыми пачками американских дензнаков, спокойно, без дрожи в руках, отложил в сторону и принялся за бумаги.

На первом же листе были написаны какие-то цифры. Тут и ребенку было понятно, что это номер телефона. Пододвинул к себе тугие пачки. Пересчитал их основательно — и получилось полмиллиона долларов.

Называется — сходил погулять!

21:30, в тот же день

Итак, сижу за шкафом, спрятавшись там, как таракан от тапка, в состоянии организма «ни с головы — мовы, ни с дупы — перд» (так очень точно определяют такое состояние наши братья поляки), но все-таки машинально ощупываю пачки денег, уютно устроившихся у меня под рукой, и пробую читать документы. По мере того, как знакомые буквы складываются в еще более знакомые слова, мой организм, доселе редко испытывающий нервную дрожь, вдруг начинает потихоньку выбивать чечетку.

«Эти документы — мой прямой пропуск в ад! — осеняет меня здравая мысль. — Кому это надо было так меня подставить? Вот гады! Вот сволочи! Да и сам хорош, так вляпаться! Подумать только, именно в девять вечера тебе захотелось погулять, вечерний моцион совершить!»

Я вскочил из своего укрытия и забегал по кабинету, на все лады ругая свою неосторожность и опрометчивость. Чтобы лучше снять стресс, прибегнул и к русскому народному мату, по опыту зная, что только ядерное словцо может кардинально подействовать на расшатавшуюся нервную систему. Вспомнив вслух все русские и нерусские

маты и просклоняв их по всем имеющим падежам и формам, я почувствовал некоторое удовлетворение и спокойствие, поэтому уже хладнокровно взглянул правде в глаза.

Кто-то всучил мне помимо моей воли очень интересные документы, которые раскрывали все, буквально все в деле нашумевшего в свое время убийства видного тележурналиста Алексея Панина. Об этом тогда гудели все телеэфиры и упражнялись в словесных баталиях многочисленные газеты и журналы. Милиция била себя в грудь, уверяя, что и недели не пройдет, как убийцы будут пойманы и наказаны; весь чиновничий ряд до самой своей верхушки тоже не отставал от погонной братии, убеждая возмущенный электорат, что это дело у них на тщательном контроле и виновные обязательно будут привлечены к ответственности. Но время шло, страсти утихали, громких убийств меньше не становилось, милиция и власть устали бить себя в грудь, и как следствие — об Алексее Панине вскорости забыли, задвинув раскрытие причин его гибели на задний план, то есть в архив. Поэтому убийство известного тележурналиста так и не было раскрыто до сих пор. До этих пор.

Я еще некоторое время лихорадочно поизмерял ногами расстояние между письменным столом, шкафом и окном моего кабинета, потом, махнув на все грядущие неприятности рукой, сгреб

с пола бумаги и бросил их на стол.

Сходил на кухню, сварил крепчайшего кофе, осторожно налил его в желудок, закрыв этой ароматной и бодрящей жидкостью 150 миллилитров коньяка, выпитых за десять секунд до этого, и также осторожно выглянул в окно — ничего подозрительного.

«Веду себя, как Штирлиц перед провалом», — усмехнулся я своему поведению и направился в кабинет. Надо было во всем разобраться более обстоятельно, а главное выяснить, что делать с этим взрывоопасным богатством?

Через полчаса методичного изучения документов, в котором черным по белому были даны ориентировки на заказчика и исполнителя убийства Панина, подтвержденные документальными свидетельствами, а также номера телефонов, адреса, стенограммы переговоров, мне стало совсем хорошо, но не в смысле хорошо...

«У меня в руках граната с выдернутой чекой», — сделал вывод я, взяв в руку последний документ, изучение которого я отложил на потом. Это была статья Андрея Панина из «Московского комсомольца»:

«...Николай Борисович Селин был человеком обнаженной совести, высокой порядочности и чести. Поэтому совсем не понятно, как человек с такими качествами попал в обойму

номенклатуры, в которой такие люди считались мутантами.

Уже к пятидесятым годам партия, посчитав, что справилась с честью и достоинством как проявлениям характера советского человека, прекратила репрессии и предоставила человеку развиваться самостоятельно, правда, под неусыпным взором органов.

Вот и стали то тут, то там неожиданно появляться такие люди, как Солженицын, Сахаров, Бродский, Ростропович и Селин.

Еще, будучи московским секретарем, Николай Борисович Селин, натолкнувшись на проявления лицемерия и ханжества правящей верхушки и понимая, что справиться с этим ему не под силу, сломался в первый раз.

По старой традиции русского человека свою совесть он стал заливать водкой.

Когда его избрали президентом России, он вдруг подумал, что способен развернуть страну в правильном направлении.

Но, к сожалению, не получилось. Прохвосты, окружившие его тесными рядами в три кольца, все благие его намерения быстренько развернули в сторону своих карманов. И президент сломался во второй раз.

Неудачи и алкоголь очень скоро сделали

политически безвольным первое лицо государства. Править страной стали деньги. Вернее, люди, которые собрали их в большом количестве.

Вот почему физик и математик Левантовский, набрав для входного билета определенную сумму, вошел в число близко приближенных к семье...

Начиная с 96 года, страной стала править преступная группа, активным членом которой стал Аркадий Абрамович Левантовский...»

Я отложил статью и тупо уставился в стол, где веером валялись документы, подтверждающие, что и в моей жизни наступил перелом, с которым не справится ни один хирург, каким бы он не был гением. «Вот вляпался!» — в сотый раз обругал себя я и вдруг ясно представил, как меня будут «убирать»: взорвут квартиру, например, или случайно раздавят каким-нибудь грязным жигуленком на пешеходной дорожке, или просто пристрелят в подъезде, продырявив в целях госконтроля голову. Короче, убьют меня стандартно, без всяких изысков и тщательных приготовлений, а главное, никто так и не поймет, за что среднестатистического гражданина Тяпкина, то есть Александра Надеждина, вычеркнули из списка жителей славного города на Неве и из всех списков, живущих на этой странной планете.

По моей авантюрной душе заскребли кошки, а где-то глубоко в душе неназойливо так, почти душевно прозвучал в мою честь похоронный марш, и я с несвойственным мне энтузиазмом к собственной персоне вдруг неожиданно для самого себя констатировал, что боюсь, боюсь панически вполне угадываемых последствий. От такого неутешительного вывода мой оптимизм окончательно ушел в нокаут, а коты и вовсе озверели, растерзав мою авантюрную душу в клочья.

Я пулей влетел на кухню, вырвал из чрева холодильника бутылку водки и присосался к ней, как младенец к мамкиной титьке. За считанные секунды я справился с родимой и обалдело уставился на пустую тару в моей руке. Водка ни на градус не замутила мой разум. Вот что страх с человеком делает?

На ватных ногах я вернулся к бумагам, раскиданным у меня на столе, аккуратно сложил их стопочкой, рядом горкой водрузил «американцев» и потом только приступил к разборке полетов.

Усилием возрожденной водкой воли прогнав с души обнаглевших котов и кошек и вернув остатки оптимизма, я, как настоящий разведчик, принялся рассуждать о путях собственного спасения и, соответственно, выхода из тупикового состояния, лихорадочно перебирая в голове возможные

действия и просчитывая последствия: «Не звонить не получится. Найдут. Скрыться тоже нельзя. Достанут везде. У них есть моя фотография. Больше всего опасаясь за своих близких. Выхода нет. Тупик?»

Я еще некоторое время прокрутил все мыслимые и немыслимые, вплоть до отлета на орбитальную станцию «Мир», варианты ухода от неприятностей, но, поняв, что в усталую голову ничего путного не лезет, решил это дело переспать. Утро вечера мудренее. Не я это первый придумал.

Но сон долго не мог освободить меня от тяжелых мыслей. Я ворочался на кровати, как уж на сковородке, скрипом кровати доводя соседей до нервного срыва, но легче мне от этого не становилось. Мое любимое драгоценное тело не хотело быть раздавленным ни разбитым жигуленком, ни навороченным джипом, голова моя тоже ни в какую не желала приобретать дополнительную дырку, не предусмотренную природой, поэтому я скакал на матрасе, как мерин по полю, пока от усталости не вырубился окончательно.

07:00, 22 августа

Ночной кошмар, в котором меня с головой, похожей на сито, какие-то неприятные личности

старательно просовывали под дверь, ленясь открыть ее ключом, прервал заоравший телевизор, поставленный на таймер вместо будильника. В программе «Дежурная часть» девица бодренько так сообщила, что вчера вечером на улице Гжатской расстреляна машина и в ней — какая радость! — труп. Таким же бодреньким голоском дикторша начала фантазировать о заказных убийствах, о бандитских разборках и криминале, захлестнувшем город. «А сейчас мы имеем возможность показать вам, дорогие наши зрители, этот сюжет без комментариев. Всего хорошего вам и доброго утра!» — радостно закончила девица свой репортаж, а я окончательно проснулся, увидев на экране тот самый злополучный «мерс», из которого вчера в меня «выстрелили» пакетом с деньгами и опасными документами. Что этот бумажный выстрел был очень опасен, свидетельствовало не очень живое тело водителя, безучастно наблюдавшего через разбитое стекло за мрачно сгустившимися над машиной вечерними облаками.

«Итак, дело швах, утро не принесло облегчения, — я мрачно уставился в телек, где молодая пара, блестя вставными зубами, настойчиво советовала мне чистить зубы колгейтом. — Проявить пленку и вычислить меня по фото — дело не долгое, а, для профессионалов, два раза плюнуть. У них — свобода действия и

масса возможностей меня достать. У меня — только мой авантюризм и мое везение. Что вывезет? И есть ли у меня время на утреннюю полировку зубов тем же колгейтом и с кофе в придачу? Может, враги-шпионы уже подъезжают к моему дому?».

Эта мысль вмиг сорвала меня кровати и заставила по-солдатски в сжатые сроки привести себя в порядок и выкинуть всего меня вместе со своими страхами и подозрениями на улицу, пустота которой уже слегка разбавлялась еще сонными прохожими. Подзаряженный бесплатным адреналином, полученным из телека, и подгоняемый собственными мыслями, я мчался по тротуару пока без всякой ориентации в пространстве. «Первым делом надо позвонить, а там будет видно, «что день грядущий нам готовит», — решил я через десять минут бесцельного бега и активно заработал конечностями в сторону метро.

Утреннее метро напоминало разбуженный муравейник. Люди с сумками и без, сновали туда-сюда, как роботы, без всяких эмоций и чувственных проявлений. Лишь изредка доносился сонный голос с претензией на вежливость: «Куда прешь, не видишь — я здесь! Очкарик вшивый! Понаехали тут, пройти нормальному человеку не дают!»

Не углубляясь в человеческий термитник, я

замер у входа в подземку и стал ждать: тот, кто мне сейчас был необходим, должен был вот-вот появиться.

— Э, друг, пятерочки не найдется? — вдруг услышал я прокуренный грубый голос.

Повернулся — передо мною стоял тот, кого я ждал уже около часу. Непередаваемое амбре, исходящее от попрошайки, несколько поколебало мою уверенность в положительном исходе задуманного, но, покрутив головой в поисках другого элемента и никого не найдя, я решил использовать то, что само пришло. Достав из кармана брюк бумажник и вынув оттуда две сотни, я как бы невзначай провел этими бумажками перед носом пьянчуги. У бомжа от вожделения даже слюна потекла.

Поняв по блеску в глазах, что объект готов к сотрудничеству, я приступил к реализации плана незамедлительно.

— Хочешь заработать? — я демонстративно прошуршал купюрами.

Бомж даже не кивнул, он просто преданно возрился на бумажки и вильнул хвостом, то есть рукой.

— Паспорт есть?

Нечесаная несколько недель личность напряглась, но я ее тут же успокоил:

— Для дела спрашиваю, чтобы тебе дать

заработать.

Личность облизнулась и полезла в карман грязных штанов. Оттуда досталось что-то похожее на «серпасто-молоткастое». Я взял документ в руки и открыл страницу с пропиской. Слава Богу, прописка была городская. Значит, это не бомж, хотя так похож...

— Пошли со мною, здесь недалеко, — приказал я грязному и еще не просохшему от недельного запоя жителю легендарного города, и он покорно поплелся следом, бубня себе под нос причитания о тягостях собственного жития.

В ближайшем ларьке я купил пять литров полезной воды «Святой источник» и вылил ее на своего спутника. Привел, иначе говоря, его в относительно чистый вид. На развале секунд-хенда я пробрел ему брюки, футболку и кроссовки. Мой новый знакомец никак не мог взять в толк, что я от него хочу, поэтому на переодевание согласился с большим трудом и подозрением. Мне пришлось прибегнуть к сотне другой слов, чтобы убедить страдальца в отсутствии у меня по отношению к его особе криминальных мыслей. «Только во благо, только во благо и даром!» — твердил я, пока алкаш переодевался во все новое в небольшой подворотне.

Валерий, так он звался в паспорте, как только его новая форма отразилась в ближайшей витрине, пришел от собственного вида в полный восторг и

момента́льно решил меня́ слюняво отблагодарить за проявленную́ благотвори́тельность, но я не подда́лся.

— Вот тебе́ деньги, иди в сотовую, купи мобилу́ подешевле и симку к ней. Надеюсь, знаешь, что это такое?

Валерий активно вытаращил глаза и радостно агакнул.

— Я тебя́ у входа подожду, — предупредил я и на всякий случай пригрозил: — Не вздумай улизнуть. Найду — на лоскуты порежу!

Глаза алкаша потускнели на мгновение, но потом опять ожили: в моих руках он увидел перспективу праздника жаждущей души.

Через полчаса он важно вышел из магазина и торжественно вручил мне телефон и бумаги.

— Сказали, через полчаса подключат, — объявил он и вопросительно уставился на мой кулак, в котором лежали вожде́ленные для его страждущей души бумажки.

— Бери, заработал! — я протянул ему заготовленные две сотни — и Валера, личностью являющейся только по паспорту, окрылено помчался к ближайшему магазину.

Через полчаса блужданий по питерским улицам я по памяти набрал номер телефона, оставленный мне неизвестным.

— Да, — ответил знакомый хриплый голос.

— Я... на улице... пакет... вчера... — начал я нести сбивчивую околесицу, как «хриплый», так я его про себя назвал, резко прервал мое заикание:

— Свяжусь с тобой в 14.00, — и отключился.

У меня несколько отлегло от души. Почему-то от этого голоса не веяло тревогой. «А может, не так страшен черт?» — уже веселее подумал я. Мысль о возможных бедах как-то сама собой отпала, а вот жажда приключений слегка склеила мою истерзанную вчерашними кошками душу.

«Надо подкрепиться», — решил я, погладив заурчавший от голодного спазма желудок.

До двух было еще много времени, поэтому я направился в ближайшую кафешку, которая только-только открылась.

14.00, 22 августа

Ровно в два дня раздалась мелодия телефонного звонка. Женский голос спросил:

— Скажите, вы любите радугу? Если да, то первые четыре в конец, — на этом она отключилась.

Странно, но я не удивился и почему-то понял, что это какой-то код.

— На что они рассчитывают? На мою сообразительность? Шифровальщиком я точно не был.

Сейчас я уже и не помню, как догадался. В голове вдруг всплыла фраза: «Каждый охотник

желает знать, где сидит фазан». Цвета радуги: красный, оранжевый, желтый, ..., фиолетовый. По буквам: **К, О, Ж, З, Г, С, Ф**. А в цифрах: **12, 16, 8, 9, 4, 19, 22**. Первые четыре в конец. Получилось **8 — 941–922 — 12–16**.

Не верю, но звоню.

— Быстро ты, — слышу голос Хриплого. В его интонации — ни нотки удивления. — Теперь так. Запоминай. Сегодня в 17.00 стой у третьего вагона метро Купчино, к тебе подойдет девушка и обнимет тебя. Надень на голову бейсболку. У тебя есть? Какого цвета?

— Белого, — вспоминаю.

— Пакет с собой не бери. Телефон выкинь подальше от того места, где сейчас находишься. Что делать дальше, тебе скажут.

К пяти, как истинный мачо-разведчик, маячу у вагона. Сзади меня нежно обнимают женские руки. Одновременно чувствую аромат хороших духов. Оборачиваюсь — и сразу моя душа принимает первоначальное состояние, а терзания о случившемся испаряются, как утренняя дымка под лучами жаркого солнца. Передо мной стоит очень красивая девушка с роскошными каштановыми волосами, в которых запутались тонкие нити золота, и моя воскресшая душа моментально реагирует на нее: она растекается в радостной улыбке, напомнив обнявшему ее организму, что

возраст у них обоих еще не переходный и каждый за себя постоять еще о-го-го! как может.

— Идем, — говорит небесное создание и влюблено смотрит на меня. Так правдиво, что я верю и всецело отдаю себя ей, хотя бы в мыслях. Девушка нежно, как облако, обволакивает меня, прижавшись к моему сильному плечу, и, что-то нашептывая на ухо, уверенно тянет к выходу. Ловлю завистливые взгляды мужиков и сам себе начинаю завидовать.

Обнявшись, как два голубка, мы выбираемся на воздух. Там нас ждут неприметные «жигули», которые немного меня отрезвляют. Я перестаю парить возле «облака» и пытаюсь трезво оценить ситуацию. На всякий случай запоминаю номер машины, физиономические данные моей спутницы и детали всей улицы. Хотя, на кой они мне, если меня прикончат, я понимаю слабо. Все-таки нахождение вблизи прекрасных половин человечества влияет на качества мозга другой половины.

— В машину! — резко приказывает девушка, и я понимаю, что нежное облако было только в моих мечтах.

«Ну, хоть что-нибудь», — философски успокаиваю себя я и устраиваюсь на заднем сиденье. Примостившись рядом, девушка отстраненно бросает мне:

— Все вопросы потом, — и отвлеченно начинает смотреть в окно.

«А счастье было так возможно, так близко...»
— досадливо цитирую поэта и про себя огорченно вздыхаю. Неужели облом?

Хмурый водитель не произносит ни слова. В полном молчании и отчуждении мы едем минут пятнадцать.

Мое активированное событиями воображение рисует разные картины. С трудом держу себя в руках и отгоняю дурные мысли. На Будапештской улице меня пересаживают в другую машину, в новенький «мерседес». Получаю приказ прилечь на заднее сиденье и закрыть глаза бейсболкой. Я с готовностью молодого Казановы соглашаюсь. Это же какой кайф лежать на столь прекрасных коленках и наслаждаться ароматом юного совершенства! Я предпринимаю попытку слегка обнять неожиданную подругу, но, получив короткий хук в солнечное сплетение, забываю, что я мужчина. Ладно, я бревно и меня везут на пилораму.

Полчаса дороги — и мы стоим у неприметного здания. Честно скажу, что не старался определить направление движения, но по каким-то неведомым мне признакам подумал о Павловске. Дом был большой, старый, двухэтажный, добротный и стоял несколько

обособленно. Чувствовалось, что он строился сразу после войны. Вокруг росли большие деревья. Какие? Точно не знаю, никогда не запоминал их названия.

Вход был только один.

— Есть ли выход? — этот вопрос почему-то засел в моей голове... о девушке, на коленках которой покоилась целых полчаса моя личность, почему-то уже не думалось.

17:48, 22 августа

«Мерседес» плавно остановился и я, по инерции прижавшись к теплым коленкам, понял, что приятное путешествие закончилось.

— Все, приехали, — подтвердила красавица и достаточно ощутимо намекнула мне рукой, что пора вставать.

Пришлось нехотя отрываться от эротической подушки и выходить из машины.

У входной двери дома я решил проявить всю свою галантность, пропустив даму вперед, но моя галантность не была понята. Холодный взгляд юного создания просто протолкнул меня вперед, и я, как конвоируемый, вошел первым, она — за мной. В таком же порядке мы поднялись на второй этаж. Там прекрасная незнакомка передала меня в руки моложавого, лет сорока, человека и молча

ушла, заманчиво покачивая бедрами. Я с сожалением проводил её взглядом:

— Хороша чертовка!

— Ну, ты молодец, — раздался знакомый хриплый голос, — о вечном надо думать, а не о бабах, — и продолжил: — Ну, что попали мы с тобой?

— Да, уж, — грустно ответил я и осмотрелся.

Комната, в которой я оказался, была метров двадцать. Два окна были забраны тяжелыми шторами, под высоким потолком висела громоздкая люстра с претензией на антиквариат. Стены со старыми обоями украшали какие-то репродукции в дешёвеньких рамках. Посредине комнаты стоял круглый стол, накрытый скатертью. У стола — три стула. В простенке между окнами — письменный стол, довольно подержанный, а у противоположной от двери стены расположился удобный современный диван. Рядом с диваном — трёхстворчатый шкаф, весьма симпатичный, с каким-то налётом старины. В правом углу у окна — небольшая горка с посудой.

Больше мне ничего не запомнилось.

— Ничего, не горюй, прорвемся. Не первый раз. Давай познакомимся, — отвлек меня от осмотра хозяин и первый представился: — Стефан.

Я хотел было сказать свое имя, но Хриплый перебил меня.

— Тебя назовем Александром.

— Откуда вы знаете? — удивился я.

— Я не знаю. Это твое новое имя. Фамилия простая Иванов, а отец у тебя был Петр.

— Иванов Александр Петрович, по-моему, неплохо, — Хриплый доброжелательно улыбнулся.

Увидев непонимание в моих глазах, Стефан начал объяснять:

— Всего я тебе пока не расскажу, но главное — попытаюсь. Первый вопрос, который тебя просто сжигает изнутри: почему ты? Я правильно понял?

Я кивнул, даже слишком энергично: этот вопрос, на самом деле, никак не мог просто так улетучиться из моей переполненной мыслями головы.

— Отвечаю, — Хриплый усмехнулся, — все просто и, ты сам понимаешь, случайно. Нечего гулять по улицам, где стреляют и гоняются друг за другом на машинах. А если без шуток, то не повезло тебе. Хотя, если философски подойти к вопросу о везении, то как посмотреть. Жив — значит, пока удача на твоей стороне, ты здесь — значит, на моей, а в общем — всем нам повезло.

Потом Стефан перешел ко второму вопросу, который он, я так думаю, просто считал с моего исписанного вопросами лба.

— На следующий вопрос: кто мы? Отвечаю.

Мы — группа офицеров спецслужб, которым не безразлична судьба России. Слышал, наверняка, «Честь. Справедливость. Возмездие» или «Ч.С.В.»

Я кивнул, но уже не так энергично.

— Наша главная задача — искоренять криминал. Методы? Согласно обстановке. Чаще приводим приговор в исполнение сами.

— Но ведь это незаконно!?

— Да, приходится. Сегодня на органы надежды нет. Они и преступники почти одно и то же. Но отчищать родину от грязи надо. Касаемо тебя, — он на мгновение замолчал, — мы приняли решение, что ты пока будешь с нами. Правда, и выхода другого у тебя нет. Тем более противная сторона тебя активно разыскивает. У них фото. Похоже, ты там неподалеку живешь?

— Да.

Хриплый несколько секунд помолчал, пытливо изучая мою пока еще не просветленную эврикой физиономию, потом хмуро спросил:

— Тебя заботит мысль, почему мы так откровенны с тобой? Вроде бы солидная организация, а связалась с первым встречным? Так?

Я ответом опустил плечи.

— Друг мой, — Стефан поупражнял губы в гримасе, — ситуация требовала неординарных решений. Я увидел тебя в позе какающего атланта, а не убегающего в панике трусливого горожанина.

Успел подумать о своем самообладании в критический момент и успел принять решение сбросить пакет именно тебе. Рисковал? Да! Но по факту получилось — не напрасно, — он похвалил то ли меня, то ли себя. — Ладно, все это лирика, лучше расскажи о себе.

Прежде чем приступить к рассказу о себе, любимом, я высказал свою тревогу за жену и дочь. Объяснил, что они за городом. Согласился с тем, что выбор у меня не велик.

Стефан нетерпеливым жестом дал мне понять, что это потом, а сначала он бы хотел познакомиться со мною поближе, но пока в анкетном порядке.

Я вкратце изложил свой жизненный путь.

Родился, учился, сидел, бежал. В новой жизни еще не преуспел. Хотя хотел бы...

Стефан внимательно слушал: на одни эпизоды из моей бурной биографии он утвердительно покачивал головой, на другие — вопросительно подымал брови, но ни разу не перебил меня вопросом, хотя мог бы, так как белых пятен в моей озвученной биографии было многовато: я сэкономил слова и время. Когда я перестал заливаться соловьем, он лишь уточнил:

— Как с физкультурой и спортом?

— Поддерживаю форму, как могу. Бегаю каждый день. Подкачиваюсь на тренажере. Я ведь в молодости занимался боксом. Правда, всего лишь

КМС. Но при случае за себя постоять сумею, — ответил я на вопрос.

— Да и с головой у тебя неплохо, — похвалил уже меня собеседник, — с номером телефона ты быстро справился. А то я думал, что придется как-то иначе связываться с тобой. Что касается биографии, то попозже напишешь подробно, — отрывисто продолжал он, — а сейчас пройди за эту дверь, там выправят новые документы. Надо спешить. Времени маловато. Противник у нас сильный. О твоей семье подумаем.

Я вышел в соседнюю комнату. Она резко отличалась от первой.

Современная мебель. Несколько компьютеров, похоже, самой последней модели. И еще какая-то аппаратура, о назначении которой можно было только догадываться. Что-нибудь для связи, прослушивания и пеленгования.

Меня встретил щуплый человек в очках. Провел в следующее помещение. Оно было похоже на гримерную в театре и одновременно парикмахерскую. Так и оказалось.

Через час в зеркале я увидел довольно привлекательного блондина с голубыми глазами: контактные линзы, другой костюм и усы завершили мой новый образ. Потом меня сфотографировали, во второй раз за сутки, на паспорт и отправили обратно к Хриплому.